

№ 158

ИЗ ЗАПИСОК М. И. РАТМАНОВА О ДЕЙСТВИЯХ
РУССКОГО ФЛОТА И ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК
НА АДРИАТИЧЕСКОМ ПОБЕРЕЖЬЕ ИТАЛИИ

[После 1800 г.]¹

Первая экспедиция, отправленная в мае месяце под командою контр-адмирала Павла Васильевича Пустошкина, состоящая из 2-х 74-пушечных кораблей, одного брика российских и 1-го корабля и двух фрегатов турецких. Эскадра пришла к Анконе в начале июня и тотчас атаковала мулу² и гавань и, нанеши неприятелю страх и повреждения, отошла на пушечный выстрел, остановилась на якоре.

Через два дни увидели идущее судно под берегом от стороны Сенигаллии. Адмирал прислал ко мне вооруженных два барказа, приказав мне прикрывать оные и взять идущее судно. Я тотчас снялся с якоря, и в то же время из гавани вышли 10 канонерских лодок. Я тотчас отправил барказы абординовать видимое судно, а с бриком вступил с неприятелем в бой и, прогнав его в гавань, держался под парусами по тех пор, покуда барказы привели взятое судно — требак и названный нами «Св. Константин», оный принадлежал французам и тотчас вооружен двумя пушками и употреблен на службу.

А на другой день, получа известие, что в Пезаро вступили 40 человек австрийских гусар и народ противу французов вооружился, эскадра, оставя

¹ Документ помещается здесь, ибо в нем описаны события, связанные непосредственно с осадой и сдачей Анконы (май — начало ноября 1799 г.).

² То есть мол.

1 корабль в блокаде, тотчас снялась с якоря и отправилась в Пезаро. Подходя к Фано, увидели по дороге от Сенигаллии несколько неприятельской артиллерии, прикрываемой пехотою. Мне сигналом приказано было атаковать неприятеля. Подойдя ближе к берегу, достаточно было обратить их в бегство несколькими картечными выстрелами. А к вечеру эскадра остановилась на якоре вблизи Пезаро, и на другой день свезли на берег наши и турецкие войска до 600 чел.; 40 человек венгерских гусар и до 5000 вооруженных жителей, командуемых прелатом, присоединились к нашим войскам; всеми оными командовал морских баталионов майор Гамен. С рассветом другого дня все войска выступили по Анконской дороге к Фано. Тут неприятель недолго защищался и отступил к Сенигаллии. Я с бриком прикрывал сухопутные войска и облегчал поход оных. Сделавши суточный роздых, рано выступили к Сенигаллии. Неприятель защищал оную, наши передовые войска под командою капитана Чебышева атаковали и взошли на стену, тут капитан Чебышев ранен, а я бомбардировал город. Неприятель отступил к Анконе, я провожал его ядрами и картечью и в такое привел замешательство, что несколько австрийских гусар гнали неприятеля на большое пространство.

Сии успехи наши остановлены были незапным происшествием. Адмирал Нельсон уведомлял адмирала Ушакова, что французский и гишпанский флоты из Кадикса прошли в Средиземное море, и просил Ушакова со всем флотом соединиться для поражения неприятеля, почему адмирал Ушаков и предписал контр-адмиралу Пустошкину со всеми силами немедленно возвратиться к Корфу, почему в ту же ночь войска перевезены на корабли, которые благополучно и прибыли в Корфу, а в начале июля от Нельсона получено уведомление, что неприятельский флот вошел в Тулон, где и блокируется английскою эскадрою. Посему адмирал к Анконе назначил другую экспедицию под начальством капитана 2 ранга графа Войновича. Но, не приступая оной к описанию, излишним полагаю сделать описание крепости Анконской со всеми ее укреплениями и вкратце изложу сию твердыню в Папской области на берегу Адриатического моря.

Крепость Анкона выстроена на выдавшемся мысу в Адриатическом море, мыс сей образует залив, по оконечностям оного два возвышения, на которых устроены две из первоклассных крепостей, одна с другою соединена каменною прочною стеной, внутри оной весь город помещается. Гавань искусною рукою закрывается от бурливых валов мулою, сия укреплена в два яруса пушками. Внутри оной к воротам Римским и Сенигалльским на воде выстроен карантин, вокруг оного каменная стена с пушками, пристань; к муле вход по оной в город в Мраморные ворота, сооруженные в честь императора Траяна при возвращении его от берегов Далмации после одержанных им там знаменитых побед. В гавани до ста разного рода судов и три линейные корабли, взятые в Венеции Наполеоном по уничтожении сей знаменитой в летописях мира республики. Остается наблюдателю сказать, как велика должна быть армия, [чтобы] блокировать крепость, на которой более 700 пушек разного калибра. По взятии крепости Корфу адмирал Ушаков отправил на моем брике главнокомандующего французскими войсками на Ионических островах генерала Шабо с его штабом и 8 купеческих кораблей с гарнизоном под моим начальством в Анкону. Я исполнил сие благополучно и успел вымерить в пребывание мое там глубину гавани и вход в оную, в сие время французский корабль «Женерос» возвратился в Анкону — он отсюда за 10 дней моего прибытия отправился в Бриндичи в Неаполитанское королевство, чтобы отвлечь союзные войска от Неаполя. Ничтожная бриндичская крепость пустила первое ядро и убила капитана корабля Жулие¹. Французы считали его на море то же, что Наполеона в поле. Он своим искусством избежал от англичан в Нильское сражение и на водах Кандии взял английкий корабль, которого и привел в Корфу. Я, возвратясь в Корфу, подал адмиралу мои замечания,

¹ Фамилия командира «Женерос» была Ле-Жоаль.

план крепости, гавани и промер глубины, а посему-то я и назначался к сей крепости в две экспедиции.

Июля 6-го. Вторая экспедиция состояла из 3-х 50-пушечных фрегатов русских и одного брика, 2-х фрегатов турецких и одного греческого вольного судна «Суворова». Эскадра сего числа оставила Корфу.

16-го. Проходя Анкону, для блокады с моря оставлен один фрегат русский, а прочие поспешали к Пезаро и 17-го стали на якоре. Того же числа свезли на берег войска.

18-го. Атаковали с сухого пути и с моря город Фано, в котором находилось отборного французского гарнизона до 700 человек под командою отличного полковника Шевалие, я с бриком бомбардировал оный. Неприятель чрез 4 часа поднял белый флаг, я получил от командующего повеление отправиться в город с уполномочением вступить в переговоры. Я немедленно заключил капитуляцию, по которой весь гарнизон, положе оружие, сдается военнопленными, а офицеры на честное слово отправлены во Францию с тем, чтобы во всю нынешнюю войну ни с нами, ни с нашими союзниками не воевать. Сие последние понудили более потому, что я получил известие о сильном сикурсе, идущим от Анконы, и когда были союзные флаги подняты, тогда показались неприятельские войска и, увидя, что все кончено, возвратились обратно.

Здесь как эскадрою, так и десантом командовал граф Войнович, а 21-го назначен командовать десантом флота капитан-лейтенант Мессер¹.

За успешное мое содействие при Фано я всемилостивейше награжден орденом св. Анны 3-й степени в шпаге.

22-го. Войска выступили к Сенигаллии, я с бриком, пользуясь благополучным ветром, прибыл к Сенигаллии в полдень, гораздо прежде сухопутных войск, и, увидя в городе французскую кавалерию, начал бомбардировать оный, отчего неприятель, оставя город, выступил в Анконские ворота и начал строиться в форштате. Я немедленно подошел к оному, и несколькими картечными выстрелами [неприятель] обращен совершенно в бегство; оставя тут брик на шпринге, сам на вооруженном барказе рекою Сенигалль вошел в город и тотчас поставил к Анконским воротам караул. У ратуши на площади спустили неприятельский флаг и срубили древо вольности. Немедленно рапортовал графу Войновичу и отправил курьера к Мессеру, дабы он поскорее пришел с десантом. На крепости нашел 4 24-фунтовые пушки, заклепанные неприятелями, оные тотчас были расклепаны и поворочены на анконскую дорогу, и две пушки сброшены неприятелями за крепость. А в 4 часа пришли и десантные войска.

24-го. Десант выступил из Сенигаллии, я, прикрывая оные до местечка и речки Фьюмизино, содействовал нашим войскам к поражению неприятеля, который и отступил к Анконе.

25-го. Я откомандирован в Сенигаллию для вооружения флотилии, почему, собрав 10 рыбацких лодок и два требакула, сделавши на оных платформы, поставя с фрегатов на каждую лодку по одной, а на требаки по две 24-фунтов[ых] медных пушек.

7 августа. По повелению графа Войновича отправился командовать десантными войсками со стороны Монта-Гардето. В команде моей состояли: лейтенант — 1, мичманов — 2, констапель — 1, морских баталионов поручик — 1, унтер-офицеров и рядовых русских — 100, турок чаушей — два и рядовых — 80. Тут я соединился с генералом Лагоц, у которого нерегулярного войска было неаполитанских и итальянских до 6 тысяч. Он стоял, окопавшись в редуте, верстах в семи от крепости. Сходство наших характеров, взаимная доверенность при первом знакомстве нашем сблизили меня с Лагоцом узами дружбы. У генерала Лагоца хоть было 6000 войска, но он сам сознался, что на их надеяться не можно, следовательно, вся тяжесть сей войны должна быть на русских, почему и требовал от Войновича усилить мой отряд и 6-го получил до 80-ти русских и турок. С сею-то,

¹ Так в документе, 9 мая 1799 г. Ф. Ф. Мессер уже был произведен в капитаны 2 ранга.

так сказать, горстию храбрых удерживая неприятельские сильные вылазки, защищая три батареи и редут, неоднократно делая на неприятельские вылазки свои и каждый раз прогоняя его в крепость, возвращался с победами, спал и жил на средней Маринской батарее в продолжение 69 дней. Не буду описывать ежедневных и частых с неприятелями сшибок, а упомяну только о некоторых.

8-го. Соединясь с Лагоцом, начали действовать наступательно и в два дня, опрокидывая неприятеля, вогнали его в крепость и, утвердив коммуникационную линию с Мессером, устроили большой редут на кругообразном возвышении, срубя на нем все деревья, и который был для нас воксалом. Сажень в 50-ти к крепости от одного по косогору выстроили 3 батареи. Первая и средняя названа «Св. Мария», по правую сторону к морю — «Св. Николай», а по левую — «Св. Константин». Я потому дал сии имена, что у Мессера уже были выстроены батареи и названы именами высочайшей фамилии. Пушки поставлены 24-фунтовые, с фрегатов перевезенные два единорога и 48-фунтовая мортира; генерал Лагоц вызвался, что он всем снабжать будет и мои войска, почему во все продолжение время сего ни в чем недостатку не имели.

20-го. Французы сделали сильную вылазку. Лагоцовы войска, занимающие передовые посты, отступили в батареи; неприятель, пользуясь местным положением, подошел под самые батареи; препоруча охранение оных генералу Лагоцу, сам с русскими и турками сделав с батарей вылазку, и штыками ударил неприятеля во фланг, опрокинул и вогнал в крепость. Осталось неприятелей на месте 19 человек, а нескольких унесли с собою. Тогда, сделав отбой, возвратился на батареи. Но 4 человека матроз в жару своего воображения, и думая, что неприятель уже совсем побежден, на плечах неприятелей ворвались в крепость; неприятель ворота запер, но взять храбрых не могли до тех пор, пока все не получили по несколько ран, тогда их взяли и отправили в госпиталь. К чести генерала Монье можно сказать, что сей славный воин ежедневно сам навещался о пленных и все прилагал старания о их излечении; трое выздоровело и разменены, четвертый же из лутчих марсовых матроз моего брига Ижиков защищался до тех пор, пока не получил 8 ран, тогда был взят и на третий день помер.

21-го. Неприятель делал вылазку, но посланными от меня охотниками, несколько русских и турок, вспомоществуемые и лагоцовыми и инсургентами, прогнаны в крепость.

28-го. В ночи неприятель сделал вылазку и с потерей 6-ти человек, оставленных на месте, прогнан в крепость. Бомбардировка по крепости как от нас, так и со стороны Мессера почти ежедневная.

29-го. Пополудни неприятель сделал вылазку и по обыкновению прогнан в крепость.

Сентября 1-го. Неприятель делал довольно сильную вылазку, но с уроном был прогнан.

4-го. Делана вылазка, и по привычке [неприятель] был прогнан в крепость.

5-го. Сего числа турецкий чауш явился ко мне и привел с собою до 80-ти человек турок, объявляя, что никак не может служить под командою Мессера, а мои приказания в точности выполнять будет. По сему случаю я рапортовал графу Войновичу и получил предписание включить их на порцию и иметь в моей команде. Граф Войнович, соображая, что неприятель по местному положению может делать на мою сторону сильные вылазки, на присоединение сих более был согласен и потому, что сии охотно подчиняли себя моему начальству.

18-го. Неприятель сделал большую вылазку под командою храброго, об одной руке, коменданта, оной укорял генерала Монье, что он трусит горсти русских и турок, я или умру или возьму батареи, и первое его желание сбылось; он шел на наши батареи храбро, но картечные выстрелы его войска остановили на возвышении перед батареями. Турецкий чауш

Ибрагим просил моего позволения с охотниками [из] турок атаковать саблями и пистолетами; турки спустились под косогор и, не будучи замечены неприятелем, вмиг взобрались на возвышение и атаковали саблями, в сие время как по сигналу замолчали пушки с обеих сторон, неприятеля опрокинули; Ибрагим схватил коменданта, но возвратившиеся солдаты отбили своего коменданта, турки еще атаковали, и Ибрагим вторично схватил коменданта, но, видя, что живого взять не может, заколол его кинжалом. В сие время Ибрагим получил рану и упал, турки к нему подоспели, многих перерубили, но французы унесли тело коменданта. При сем неприятель потерял до 30 человек убитыми, турок убито 3 и 9 ранено. Высланный от меня сикурс подоспел уже к окончанию. Раненые турки, лежа на земле, защищались саблями.

24-го. Неприятельская вылазка прогнана.

28-го. То же и тем же окончилось.

На 29-е. В бурную ночь неприятель сделал сильную вылазку и бросился на батарею «Константин», которую и взял, команда и офицер оной присоединились ко мне в маринскую, неприятель атаковал оную: пять раз врывался в амбразуры и столько же раз опрокинут. Тогда генерал Лагоц, защищая батарею «Св. Николая», прислал ко мне на помощь до трехсот инсургентов, тогда я, сделав сам вылазку, опрокинул, и по всей линии неприятель отступил поспешно. Неприятель приступал с усилием на батарею «Николай», которую защищал достойный сотрудник и друг мой Лагоц, и в ту пору, когда я опрокидывал неприятеля, ружейная пуля нанесла незабвенному Лагоцу смертельную рану, который на третий день и помер. Тело его отвезено в Лорету и там предано земле с почестию и слезами; я простился с прахом его в шанце и тут же отер памяти его последнюю слезу. По рассвете найдено неприятельских трупов более 70. На крепости к моей стороне подняли белый флаг и просили меня позволить собрать убитых, что и было им позволено, а пополудни принялись бросать бомбы. После сей вылазки более на мою сторону вылазок не было, а обыкновенные перестрелки с передовыми постами.

Октября 3-го. Сего числа прибыли австрийские вспомогательные войска и расположились за нашими батареями и редутом до 8000 человек под командою фельдмаршал-лейтенанта Фрелиха. На вид войска славные, а каковы на деле — увидим.

9-го. Получил от графа Войновича повеление, чтобы, оставя на батареях констапеля Деянова с морскими канонерами и передав начальству генерала Фрелиха всю мою команду, как русских, так и турок перевести на сторону Мессера, а самому мне отправиться в Сенигаллию и принять под мое начальство флотилию.

10-го. Выполнив повеленное, приехал в Сенигаллию. Не могу изобразить того приятнейшего сна, которым наслаждался, ибо во все сие заботливое время не имел лутчего ложа, как платформы, постель — плащ, подушка — пушечное колесо и весьма роскошное — пук соломы.

12-го. С флотилиею поутру подошел к Анконской гавани. Последний фрегат наш по причине бурливых погод отправился в Триест, а граф Войнович перебрался на берег и позади наших батарей в небольшом селении объявил главную свою квартиру.

18-го. В ночи атаковал с лодками гавань, которая и продолжалась два часа, при сем неприятельский линейный корабль потоплен.

21-го. Идущий в Анкону купеческий корабль под французским флагом и [с] 8-ю человеками французов мною взят и отправлен в Триест с мичманом Шостаком, там оный признан доброю призою и продан за 42 000 гульденов. Деньги положены для хранения в страховую комерц-компанию купцу Эстрейхеру до решения нашего правительства.

22-го. Французы сделали вылазку на сторону Монто-Гардето и взяли у австрийцев две батареи. Констапель Деянов со своими защищал третью до тех пор, пока [не прибыл] присланный от Мессера сикурс в 200 че-

ловец под командою морских баталионов капитана Литиха, французы отступили в крепость, но храбрый Деянов убит.

Ноября 3-го. На сие число в ночи из Анконской гавани вышел брик. Я тотчас снялся с якорей и погнался за оным, вскорости догнал, стоило немногих выстрелов, взял оный. Оный принадлежал французам, отправлен в Тулон, с пашпортом генерала Фрелиха. Капитана и депеши отправил к графу Войновичу, брик по имени «Боносорте» с 18-ю пушками нагружен разных цветов хлопчатую пряжею и признан добрым призом, который обращен в военный и употреблен на службу¹.

4-го. На рассвете со всею флотилиею вошел в гавань, а французский гарнизон выступал из крепости со всеми почестями и [при] вооружении, с пушками и закрытыми фурами. Генерал Фрелих сделал секретно от нас капитуляцию, даже исключая нас из оной. Я тотчас спустил французские флаги на муле, карантине, на военных и купеческих кораблях и поднял на оных союзные — русские, австрийские и турецкие. Оставив лейтенанта Цамутали наблюдать за порядком, сам отправился на катере с рапортом к Войновичу, и тут получили известие, что генерал Фрелих приказал насильно снять наших часовых, где были мною расставлены при поднятых флагах. Лейтенант Цамутали, стараясь не допускать до одного, был арестован, однако ж флаги до вечера не спускали, а на другой день поднял одни австрийские, и разбойническим манером похитили у нас все то, что труды и опасность должны были вознаградить, но слава храбрых останется навсегда. Французский гарнизон следовал под прикрытием австрийской кавалерии.

Сия знаменитая и достословная блокада тем более славна, что французского гарнизона сначала было до 7 тысяч человек, а по заключении капитуляции возвратилось во Францию не с большим 3400, а прочие погибли на вылазках и от болезней, от недостатков в провизии. Гарнизон был отличный, генерал Монье известен по храбрости и опытности, и в нашей власти было заключать такую постыдную капитуляцию, каковую дали им австрийцы; с начала блокады сильные вылазки, деланные на батареях, моему начальству вверенные, со славою отражены и биты. Австрийский кабинет или, лутче сказать, Тугут и то его милости, т. е. Тугута, гарнизон французский избавился постыдного плена и возвратился со славою во Францию. За сей бесчестный поступок австрийцев последовал правильный гнев императора Павла и [он] прервал дружбу с неблагоприятною нациею, и сия вскоре после сего происшествия наказана [была] по заслугам на равнинах Маренских². Какое имели уважение французы к австрийцам, можно заключить из следующего: вступя австрийцы вместо меня с отличным по виду 8-ми тысячным корпусом, французы сделали вылазку и, вероятно, разбили бы австрийцев, ежели русский констапель не удержал их стремления до прибытия российского сикурса, из 200 человек состоящего. Делнов убит, честь и слава памяти твоей, храбрый. Когда австрийцы делали переговоры, в то время сходились под крепостью русские офицеры с французскими и последние убедительно упрашивали первых не помогать австрийцам. «Без вашей помощи, — говорили они, — мы австрийцев скрошим, как капусту», — бессмертный Рымникский навел страх и ужас на храбрых республиканцев, — они считали русских непобедимыми.

Генерал Лагоц, еще прежде 1-й нашей экспедиции собрав из неаполитанцев и итальянцев до 6 тысяч нерегулярного войска, избрав себе главную квартиру в городе Фермо, к югу от Анконы около 30 миль италянских, сие местоположение неприступно для неприятельских нападений. Он

¹ Груз был оценен в 101482 рубля, а сам брик включен в состав русского флота и прослужил в нем десять лет (А. Кротков, Повседневная запись замечательных событий в русском флоте, СПб, 1893, стр. 474).

² В сражении при Маренго 14 июня 1800 г. французы под командованием Бонапарта нанесли поражение австрийцам, в результате чего последние потеряли Ломбардию, Пьемонт и Геную.

отсюда делал несколько набегов и при нападении неприятеля скрывался в свою твердыню. Получа от нас известие, что мы уже заняли Фано и взяли гарнизон оный, он выступил из своей засады и тихо подвигался вперед к Анконе, и когда уже наши войска вогнали неприятеля в Анкону, я нашел Лагоца, окопавшись шанцами на выгодной позиции, отсюда все дела наши были общие и согласные. Сходство наших характеров сблизило меня с ним в совершенную дружбу — храбрость, прозорливость, неустрашимость обладали им. Лет 26-ти, высокого стройного роста, несколько рыжеват, он служил во французской службе, был адъютант[ом] Наполеона, потом бригадным генералом и, обижен будучи Наполеоном и директорией, поклялся вечную иметь ненависть к неблагоприятным. Успехи великого Суворова дали Лагоцу смелость явиться на театр военный, он вошел в сношения с Рымникским и, ободряем поседлым воином, усугубил себя на правое дело; он был подданный австрийский, но не доверял им...

За труды, мною понесенные, я всемилостивейше награжден орденом св. Анны 2-й степени. Граф Войнович получил Иерусалимский командорский, Мессер — 2-й степени св. Анны, и многие офицеры — 3-й степени.

После Маренского сражения вся Италия занята французами, но куда мы находились в Анконе, ни один город сей провинции не был ими занят, а когда покойную королеву неаполитанскую приняли на нашу эскадру для отвоза в Триест, и в который день мы оставили Анкону, в тот же вступили [туда] и французы, и в ту же ночь выслали австрийцев не так-то учтиво.

Рукоп. отд. Госуд. публ. библ. им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. Документы А. В. Висковатова, д. Материалы для российско-турецкой кампании 1798, 1799, 1800 гг., ч. II, лл. 62—71. Копия.